

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-4-115-138

ПОЗИЦИИ НЕНАСИЛИЯ И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА У СТУДЕНТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. Г. Маралов

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия.

E-mail: vgmaraov@yandex.ru

В. А. Ситаров

Московский гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: sitarov@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Для специалистов, избравших род деятельности типа «человек – человек»: педагогов, психологов, медиков, социальных работников и т. п. – ключевым признаком профессиональной пригодности является способность к ненасильственному взаимодействию. Эта способность должна целенаправленно формироваться в период обучения в вузе на соответствующих направлениях подготовки. Чтобы создать условия для развития и закрепления у студентов позиции ненасилия и нейтрализовать склонности к принуждению и манипулированию, необходим регулярный мониторинг по выявлению доминирующих у обучающихся психологических установок: принуждения, манипулирования, ненасилия, невмешательства и др.; их структуры и содержания. Однако коррекционная работа со студентами может осложняться как их внутренним сопротивлением необходимости лично изменяться, преодолевая сложившиеся стереотипы и установки, так и неоднозначностью потенциальных деформаций схожих с ненасилием, но не аналогичных ему позиций.

Цель представленного в публикации исследования заключалась в сравнительной характеристике позиций ненасилия и невмешательства у студентов психолого-педагогических и медицинских специальностей.

Методология и методики исследования. Методологическую базу исследования составили положения современной философии, педагогики и психологии о ненасилии как общечеловеческой ценности. В качестве диагностических методик были задействованы авторские опросники, предназначенные для определения типов взаимодействия с окружающими людьми и показате-

лей занимаемых студентами позиций; а также тесты мотивации достижения и избегания неудачи Т. Элерса, тест готовности к риску Г. Шуберта и методика диагностики уровня доверия к себе Н. Б. Астаниной. Из общей выборки студентов Московского гуманитарного университета, Череповецкого государственного университета и Ивановской государственной медицинской академии, принявших участие в исследовании (n=362), для сравнительного анализа были выделены группы испытуемых с выраженной позицией ненасилия – 81 человек (22,38% от общей выборки) и с эксплицитной позицией невмешательства – 34 человека (9,39%). Статистическая значимость различий рассчитывалась с помощью углового преобразования Фишера.

Результаты и научная новизна. Было установлено, что для студентов с преобладающей позицией ненасилия характерны низкий уровень раздражительности, высокая чувствительность к своему окружению, умеренная мотивация достижения успеха, готовность идти на разумный риск. В этой группе испытуемых среди потребностей доминировало обеспечение безопасности, что проявлялось в высокой сензитивности к угрозам и выборе адекватных способов реагирования в ситуациях опасности при среднем уровне доверия к себе. У студентов с выраженной позицией невмешательства обнаружили более высокий потенциал раздражительности, низкая чувствительность к другому человеку, преобладающая тенденция к избеганию неудач и желание не рисковать. В данной группе превалировала потребность в переживании чувства безопасности, были зафиксированы характерная низкая сензитивность к угрозам, стремление преувеличивать значение опасности и низкий уровень доверия к себе. Сделан вывод о том, что ключевыми факторами, обуславливающими принятие студентами позиции ненасилия или позиции невмешательства, являются чувствительность к другому человеку и доверие к себе.

Практическая значимость. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе вуза для формирования у студентов способности к ненасильственному взаимодействию как важнейшей составляющей профессиональной компетентности будущих специалистов, предполагающих трудиться в сфере «человек – человек».

Ключевые слова: позиция ненасилия, позиция невмешательства, раздражительность к людям, чувствительность к человеку, мотивация достижения успеха и избегания неудач, готовность к риску, потребности в опасности и в безопасности, сензитивность к угрозам, способы реагирования в ситуациях опасности, доверие к себе.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00151.

Для цитирования: Маралов В. Г., Ситаров В. А. Позиции ненасилия и невмешательства у студентов: сравнительный анализ // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 4. С. 115–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-4-115-138

POSITIONS OF NON-VIOLENCE AND NON-INTERFERENCE IN STUDENTS: COMPARATIVE ANALYSIS

V. G. Maralov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.

E-mail: vgmalarov@yandex.ru

V. A. Sitarov

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: sitarov@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The ability to non-violent interaction acts as the most important indicator of professional competency of specialists of “person to person” type occupations: teachers, psychologists, physicians, social workers, etc. Such ability has to be formed at the stage of higher education institution. To build the conditions for development and consolidation in students of the position of non-violence and to neutralise propensity to coercion and manipulation, it is necessary to provide regular monitoring on the identification of prevalent psychological attitudes in students: coercion, manipulation, non-violence, non-interference, including the analysis of their structure and content. However, correctional work with students can become complicated by their internal resistance to the need to change personally, overcoming the developed stereotypes and attitudes, as well as by ambiguity of potential deformations of positions similar to non-violence, but not similar to its positions.

The *aim* of the present research consisted in comparative characteristic of positions of non-violence and non-interference in students of psycho-pedagogical and medical specialties.

Methodology and research methods. The methodological framework of the research was based on the provisions of modern philosophy, pedagogics and psychology about non-violence as a universal human value. As a diagnostic tool, the authors designed the questionnaires to identify the types of students’ interaction with people and the positions held by students. The tests of “Motivation to Success” and “Motivation of Failure Avoidance” by T. Ehlers, the test-questionnaire “Readiness for risk” by G. Schubert, “Method for Studying Trust to Own Self” by N. B. Astanina were employed. The total sample involved 362 students of the Moscow University for the Humanities, Cherepovets State University and Ivanovo State Medical Academy. To conduct the comparative analysis, the groups of students with the expressed non-violence position – 81 persons (22.38% of the total sample) and students with the expressed non-interference position – 34 persons (9.39% of the total sample) were allocated. The statistical significance of distinctions was calculated using of the Fisher’s angular transformation.

Results and scientific novelty. As a result, it was established that a low level of irritability to people, high sensitivity to people, moderate expressiveness of motivation of success achievement and readiness to take the reasonable risk are common to students with prevalence of the position of non-violence. The respondents of this group demonstrated the dominant need for safety, which is expressed in high sensitivity to threats and choice of adequate ways of reaction in life-threatening situations with the average level of own credibility. The higher potential of irritability, low sensitivity to other people, tendency to failures avoiding and desire not to risk prevail among the students with the expressed position of non-interference. The need for experience of feeling safety, low sensitivity to threats, the aspiration to exaggerate value of dangers and low level of own credibility characterise the students of the group described above. The authors concluded that sensitivity to another person and own credibility act as the key factors, which cause the acceptance by students of the positions of non-violence or non-interference.

Practical significance. The received results can be used in the course of formation of students' ability to non-violent interaction as the most important professional competency of future specialists of "person to person" type occupations.

Keywords: non-violence position, non-interference position, irritability to people, sensitivity to a person, motivation of success achievement and failure avoidance, readiness for risk, needs for danger and for safety, sensitivity to threats, ways of reaction in life-threatening situations, own credibility.

Acknowledgements. The research was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, research project № 18-013-00151.

For citation: Maralov V. G., Sitarov V. A. Positions of non-violence and non-interference in students: Comparative analysis. *The Education and Science Journal*. 2019; 4 (21): 115–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-4-115-138

Введение

Способность к ненасильственному взаимодействию – важнейший показатель профессиональной компетенции специалистов, работающих с людьми. Прежде всего это касается педагогов, психологов, дефектологов, медиков, социальных педагогов, социальных работников и др. Данная способность проявляется в умении контактировать с окружающими без принуждения, давления на них, манипулирования. В ее основе лежат такие личностные качества, как доброжелательность, открытость, терпимость, принятие другого, умение идти на компромисс, разрешать конфликтные ситуации мирным путем. Не вызывает сомнения тот факт, что позиция ненасилия должна быть сформирована уже на этапе вузовской

подготовки. Однако, как показывают исследования, этому препятствуют определенные трудности, связанные с внутренним сопротивлением студентов необходимости лично изменяться, преодолевать сложившиеся стереотипы и установки [1].

Таким образом, существует противоречие между значимостью гуманистических ценностей для профессиональной деятельности людей в сфере «человек – человек» и их неготовностью к принятию и реализации этих ценностей. Это противоречие указывает на необходимость изучения факторов, влияющих на выбор людьми различных позиций (принуждения, манипулирования, ненасилия, невмешательства) в процессе взаимодействия друг с другом [2].

Исследования показывают, что факторы, определяющие принятие людьми позиций принуждения (манипулирования) и ненасилия, достаточно четко дифференцируются, чего нельзя сказать относительно установок на ненасилие либо невмешательство [3–5]. Некоторые аспекты тактики невмешательства сближают ее с этикой ненасилия, тогда как по ряду факторов она схожа с склонностью к принуждению. В связи с этим возникает вопрос, в какую позицию со временем, когда сегодняшние студенты начнут активно заниматься профессиональной деятельностью, трансформируется склонность к невмешательству – в принуждение и манипулирование или в принцип ненасилия? Например, Е. В. Куприянчук полагает, что пассивность и невмешательство потенциально способны переродиться в агрессию и враждебность [6].

Наша цель состояла в сравнительном анализе позиций ненасилия и невмешательства у студентов, а также психологических факторов, обуславливающих принятие данных установок. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что в роли стимулирующих факторов могут выступать раздражительность к людям, чувствительность к человеку (отношение к людям); потребности в опасности и безопасности, мотивация достижения успеха и избегания неудач, склонность к риску, сензитивность к угрозам, выбор способов реагирования в ситуациях опасности (отношение к опасностям); доверие к себе (отношение к себе).

В соответствии с целью исследования и выдвинутой гипотезой были поставлены следующие задачи:

- 1) установить взаимосвязь позиций ненасилия и невмешательства с раздражительностью к людям и уровнем чувствительности к человеку;
- 2) исследовать взаимосвязь указанных позиций с мотивацией достижения успеха и избегания неудач, готовностью к риску, факторами отношения студентов к опасностям;

3) выявить роль доверия к себе в принятии студентами позиций ненасилия и невмешательства.

Обзор литературы

Ненасилие – это общечеловеческая ценность. Принцип ненасилия впервые был сформулирован в древневосточных религиях, где получил название ахимсы, т. е. отказа от принуждения. Он играет ведущую роль в джайнизме, индуизме и буддизме. В христианстве данный принцип обретает совершенно иное нравственное насыщение. В основе ненасильственного действия лежат смирение и любовь, а само действие проявляется как миролюбие, способность к прощению, непротивление злу насилем, способность творить добро. Дальнейшее развитие принцип ненасилия получил в философско-этических учениях Л. Н. Толстого, М. Ганди, М. Л. Кинга, А. Швейцера и др.

В сфере изучения психической деятельности проблема ненасильственного взаимодействия впервые наиболее отчетливо была поставлена в рамках гуманистической психологии. В частности, К. Роджерс сформулировал принципы недирективной психотерапии¹, которые впоследствии были им распространены и на сферу образования². Широкою известность в свое время получила концепция М. Розенберга о ненасильственном общении³. Эмпирические исследования ненасилия связаны с изучением альтруистического поведения как одной из форм его выражения [7, 8].

Имеется значительное число исследований, посвященных проблемам воспитания подрастающего поколения в духе мира и ненасилия, формирования позиции, соответствующей этим установкам [9, 10].

Что касается тактики невмешательства, то наиболее широким понятием для ее оценки является понятие смирения. Смирение – это сложный конструкт, который в различные времена наделялся различным нравственным содержанием [11]. А. Оу с соавторами определяет смирение достаточно широко – как относительно устойчивую черту личности, проявляющуюся в ориентации на собственное мнение о том, что существует нечто большее, чем «Я» [12]. При этом чаще всего смиренный человек понимается как человек скромный, т. е. не гордый, не возвеличивающий себя, осознающий ограниченность своих сил и возможностей. Предприни-

¹ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. Москва: Прогресс, 1994. 480 с.

² Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. Москва: Смысл, 2002. 527 с.

³ Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. Москва: София, 2009. 169 с.

маются попытки выделить и описать различные виды смирения, его психологические характеристики, особенности проявления [13–18].

Если из названной категории исключить духовно-нравственное содержание, то мы будем иметь дело с позицией невмешательства, которая проявляется в низкой самооценке, неуверенности, лени, страхе перед любым воздействием, нарушающим покой и безмятежность личности. В современной науке приверженность этой позиции характеризуется как социальная пассивность, инфантилизм, безразличие, индифферентность [19, 20]. Исследователями раскрываются ее причины и личностные особенности ее сторонников [21–23].

Подводя итоги краткого анализа литературы, можно сделать ряд важных для нашего эмпирического исследования теоретических заключений.

Человек, принимающий позицию ненасилия, ориентирован на признание того факта, что при помощи принуждения и агрессии нельзя позитивно решить ни одной проблемы, можно только ухудшить положение. Для него ценность ненасилия является неоспоримой и означает способность в каждый конкретный момент жизни из ряда альтернатив выбрать такую, которая несет в себе наименьший заряд принуждения.

Позиция смирения может выступать по меньшей мере в трех следующих формах:

- 1) человек руководствуется установкой, что существует нечто большее, чем «Я» (Бог, Вселенная, Природа);
- 2) смирение проявляется как скромность, отсутствие заносчивости и чувства превосходства;
- 3) этика смирения, лишившись своего духовно-нравственного содержания, выступает как исповедование невмешательства.

Если сопоставить обозначенные установки, то можно со всей очевидностью утверждать, что позиция смирения в первых двух формах пересекается с позицией ненасилия. То есть люди «смирненные» и «скромные» вполне способны к активному ненасильственному действию. Что касается тактики невмешательства, то она сходна с принятием ненасилия только по внешним проявлениям. Иными словами, люди, придерживающиеся данного стиля поведения, в силу своей пассивности и инертности не используют методов принуждения. Но по той же причине они не проявляют стремления к активному ненасильственному взаимодействию, проявляющемуся в эмпатии, сотрудничестве, помощи окружающим и др. Следовательно, внутренняя психологическая природа ненасилия и невмешательства совершенно различна. Этот вывод стал для нас дополнительным стимулом организации и проведения специального эмпирического исследования.

Материалы и методы

Методологической основой проведенного исследования явились представления современной науки о принципе ненасилия как общечеловеческой ценности. В качестве теоретических методов выступили анализ, сравнение, обобщение, конкретизация.

С целью выявления выраженности у студентов позиций взаимодействия был разработан и апробирован специальный опросник [24]. Кроме того, применялись опросники на выявление уровня раздражительности к людям¹ и чувствительности к человеку². Мотивация достижения успеха и избегания неудач определялась с помощью тестов Т. Элерса, готовность к риску – посредством теста Г. Шуберта³. С целью установления отношения студентов к опасностям были использованы три опросника, выявляющие:

- 1) уровень выраженности потребностей в опасности и безопасности [25];
- 2) сензитивность к угрозам [26];
- 3) способы реагирования в ситуациях угроз [27].

Доверие к себе диагностировалось с помощью методики Н. Б. Асташиной [28].

Математическая обработка полученных результатов осуществлялась с применением критерия φ^* – углового преобразования Фишера.

Всего в исследовании приняли участие 362 студента направлений «Психология», «Психолого-педагогическое образование», специальностей «Психология служебной деятельности», «Лечебное дело, педиатрия» Московского гуманитарного университета, Череповецкого государственного университета, Ивановской государственной медицинской академии (средний возраст 20 лет). Исследование проводилось в конце 2017 – начале 2018 г. Поскольку каждый студент может занимать в процессе взаимодействия различные позиции, то для чистоты эмпирического исследования мы выделили только таких испытуемых, у кого та или иная позиция явно доминирует. В соответствии с целями настоящего исследования сравнительному анализу были подвергнуты установки студентов с выраженными позициями ненасилия (81 человек) и невмешательства (34 человека).

¹ Маралов В. Г., Ситаров В. А. Педагогика и психология ненасилия в образовании. Москва: Юрайт, 2015. 424 с.

² Маралов В. Г., Маралова Т. П. Мировоззренческие установки и сензитивность к человеку у студентов – будущих психологов // Духовно-нравственное воспитание подрастающих поколений. Санкт-Петербург: «67 гимназия. Verba Magistri», 2009. С. 183–190.

³ Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Москва: Бахрах-М, 2011.

Результаты исследования и обсуждение

Обратимся непосредственно к результатам исследования. Одним из состояний, обуславливающих принятие человеком позиции принуждения и осуществления агрессивных действий, является состояние раздражительности к людям, которое возникает в результате обнаружения несоответствия поведения другим ожиданиям индивида. Чем выше уровень раздражительности, тем выше вероятность, что при определенных условиях она будет перерасти в аффективную реакцию, гнев, действия агрессивного характера. В предыдущих исследованиях была выявлена положительная корреляция уровня раздражительности с позицией принуждения и отрицательная – с позицией ненасилия [29]. Возникает вопрос, различаются ли по уровню выраженности раздражительности к людям студенты с доминированием различных позиций – ненасилия и невмешательства.

Как видно из табл. 1, высокий уровень раздражительности к людям зафиксирован у 18,52% студентов с преобладанием позиции ненасилия и у 32,35% студентов с доминированием позиции невмешательства ($\varphi^* = 1,59$, не значимо), средний – у 32,10% и у 47,06% испытуемых соответственно ($\varphi^*=1,50$, не значимо). Существенные различия обнаружены по низкому уровню раздражительности: 49,38% приверженцев ненасилия чаще всего не испытывают раздражительности к людям, в противоположной группе таких оказалось 20,59% ($\varphi^* = 3,02$ при $p \leq 0,01$).

Что касается отдельных категорий людей, то у респондентов, предпочитающих ненасильственное взаимодействие, чаще вызывают раздражение агрессивные (58,02%), «черствые», себялюбивые, эгоистичные (51,85%) и неаккуратные люди (45,68%). Студенты, занимающие позицию невмешательства, также не приемлют агрессивных (67,65%), эгоистичных (61,76%), неаккуратных (44,12%) людей. Помимо этого, их раздражают очень умные, высокомерные (55,88%), сверхаккуратные (47,06%), сверхобщительные, назойливые (44,12%) и обидчивые (41,17%) личности. Статистически значимые различия обнаружены по двум факторам: «очень умные, высокомерные» ($\varphi^* = 2,25$ при $p \leq 0,05$) и «сверхаккуратные» ($\varphi^* = 2,6$ при $p \leq 0,01$). Иными словами, сторонников невмешательства чаще, чем приверженцев ненасилия, раздражают подобные люди, причем такая реакция возникает при сопоставлении себя с ними, которое оказывается не в пользу сравниваемых.

Таблица 1

Сравнительная характеристика раздражительности к людям у студентов с преобладанием позиций ненасилия или невмешательства

Table 1

Comparative characteristic of students' irritability to people with prevalence of the positions of non-violence or non-interference

Показатель	Приверженцы позиции ненасилия, n / %	Сторонники позиции невмешательства, n / %	Статистическая значимость различий (критерий φ^* – угловое преобразование Фишера)
Уровень раздражительности к людям			
Высокий	15 / 18,52	11 / 32,35	$\varphi^* = 1,59$, не значимо
Средний	26 / 32,10	16 / 47,06	$\varphi^* = 1,50$, не значимо
Низкий	40 / 49,38	7 / 20,59	$\varphi^* = 3,02$ при $p \leq 0,01$
Раздражительность к отдельным категориям людей			
Агрессивные	47 / 58,02	23 / 67,65	$\varphi^* = 0,99$, не значимо
«Черствые», себялюбивые, эгоисты	42 / 51,85	21 / 61,76	$\varphi^* = 0,98$, не значимо
Неаккуратные	37 / 45,68	15 / 44,12	$\varphi^* = 0,17$, не значимо
Очень умные, высокомерные	27 / 33,33	19 / 55,88	$\varphi^* = 2,25$ при $p \leq 0,05$
Обидчивые	26 / 32,1	14 / 41,18	$\varphi^* = 0,93$, не значимо
Сверхобщительные, назойливые	24 / 29,63	15 / 44,12	$\varphi^* = 1,48$, не значимо
Сверхаккуратные	18 / 22,22	16 / 47,06	$\varphi^* = 2,6$ при $p \leq 0,01$

Примечание. Здесь и далее общая численность испытуемых с преобладанием позиции ненасилия – 81 человек, с доминированием позиции невмешательства – 34 человека.

Таким образом, респондентов, склонных к невмешательству, отличает более высокий потенциал раздражительности к людям (преобладают средний и высокий уровни раздражительности – 47,06% и 32,35% соответственно) по сравнению со студентами, предпочитающими взаимодействие в формате ненасилия (превалируют низкий и умеренный уровень

рассматриваемого качества – 49,38% и 32,10% соответственно). Раздражительность не находит выражения в поведении представителей обеих групп, однако ее психологическая природа совершенно различна. Если принимающие позицию ненасилия стремятся взаимодействовать с людьми, вызывающими раздражение, исключая из своего арсенала принуждающие и агрессивные проявления, то исповедующие невмешательство просто замыкаются в себе, не предпринимая никаких действий. Логично предположить, что потенциал невмешательства с течением времени и при определенных обстоятельствах может перерасти в изменение тактики поведения в сторону выбора методов принуждения.

Рассмотрим основную личностную характеристику, которая, согласно гипотезе, определяет принятие студентами одной из рассматриваемых позиций. Речь идет о чувствительности к человеку, под которой понимается способность индивида выделять других людей в качестве значимых субъектов взаимодействия, делать их объектом своего внимания, не испытывая к ним антипатии или безразличия. Конкретное выражение этот вид чувствительности находит в эмпатии, интересе к людям, способности понимать их и умении оказывать им помощь. Результаты сравнительного анализа характерных для испытуемых уровней чувствительности к человеку отражены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительная характеристика чувствительности к человеку у студентов с преобладанием позиций ненасилия или невмешательства

Table 2

Comparative characteristic of students' sensitivity to a person with prevalence of the positions of non-violence or non-interference

Показатель	Приверженцы позиции ненасилия, n / %	Сторонники позиции невмешательства, n / %	Статистическая значимость различий (критерий φ^* – угловое преобразование Фишера)
Уровень чувствительности к людям			
Высокий	62 / 76,54	8 / 23,53	$\varphi^* = 5,47$ при $p \leq 0,001$
Средний	17 / 20,99	13 / 38,24	$\varphi^* = 1,87$ при $p \leq 0,05$
Низкий	2 / 2,47	13 / 38,23	$\varphi^* = 4,97$ при $p \leq 0,001$
Выраженность отдельных показателей чувствительности к человеку			
Интерес	57 / 70,37	16 / 47,06	$\varphi^* = 2,34$ при $p \leq 0,01$
Эмпатия	58 / 71,6	11 / 32,35	$\varphi^* = 3,95$ при $p \leq 0,001$
Понимание	29 / 35,8	5 / 14,71	$\varphi^* = 2,43$ при $p \leq 0,01$
Помощь	75 / 92,59	9 / 29,41	$\varphi^* = 7,08$ при $p \leq 0,001$

Результаты, приведенные в табл. 2, достаточно показательны. 76,54% студентов с преобладанием позиции ненасилия обладают высокой чувстви-

тельностью к человеку, тогда как в противоположной группе, состоящей из приверженцев тактики невмешательства, таких оказалось всего 23,53% ($\varphi^* = 5,47$ при $p \leq 0,001$). Средний уровень рассматриваемого качества обнаружен у 20,99% и 38,24% испытуемых соответственно ($\varphi^* = 1,87$ при $p \leq 0,05$). Наконец, низкий уровень выявлен у 2,47% представителей первой группы и у 38,23% испытуемых второй группы ($\varphi^* = 4,97$, при $p \leq 0,001$).

По каждому из отдельных показателей чувствительности к людям обнаружены значимые различия. У избирающих тактику ненасилия наиболее выраженным является стремление оказывать помощь другим (92,59%), среди приверженцев невмешательства такое намерение имеют только 29,41% ($\varphi^* = 7,08$ при $p \leq 0,001$). Высокий уровень эмпатии способны проявлять 71,6 и 32,35% испытуемых ($\varphi^* = 3,95$ при $p \leq 0,001$), интерес к человеку ярко выражен у 70,37 и 47,06% респондентов ($\varphi^* = 2,34$ при $p \leq 0,01$). К пониманию других людей способны 35,8% студентов первой группы и всего 14,71% представителей второй группы ($\varphi^* = 2,43$ при $p \leq 0,01$). Заметим, что понимание другого человека является наиболее сложным для всех категорий студентов, что обусловлено недостаточным жизненным опытом молодых людей, неразвитостью психологической проницательности, которую у будущих педагогов и психологов необходимо, по всей видимости, формировать специально.

Итак, со всей очевидностью можно утверждать, что чувствительность к человеку является важнейшим фактором, детерминирующим принятие студентами позиции ненасилия. Низкий уровень этого качества приводит либо к доминированию тактики невмешательства, либо, как было установлено ранее, выбору методов принуждения [3].

Обратимся к анализу влияния мотивационных факторов на принятие студентами позиций ненасилия или невмешательства.

Анализируя результаты, представленные в табл. 3, можно отметить следующее. 20,99% студентов с преобладанием позиции ненасилия демонстрируют высокий уровень мотивации достижения, тогда как в группе студентов с доминированием позиции невмешательства таких испытуемых оказалось только 8,82% ($\varphi^* = 1,72$ при $p \leq 0,05$).

Средний уровень данной мотивации обнаружен у 71,60% представителей первой группы и у 35,29% респондентов второй группы ($\varphi^* = 3,66$, при $p \leq 0,001$), низкий уровень – у 7,41 и 55,89% испытуемых ($\varphi^* = 5,58$ при $p \leq 0,001$).

Относительно мотивации избегания столь однозначных выводов сделать не удалось. В обеих группах преобладают средний (50,62 и 55,89%) и высокий

уровни (43,21 и 35,29%). Различия статистически не значимы (высокий уровень – $\varphi^* = 0,79$; средний – $\varphi^* = 0,52$; низкий – $\varphi^* = 0,38$).

Таблица 3

Сравнительная характеристика мотивации достижения успеха и избегания неудач, готовности к риску у студентов с преобладанием позиций ненасилия или невмешательства

Table 3

Comparative characteristic of motivation of success achievement and failure avoidance, readiness for risk among students with prevalence of the positions of non-violence or non-interference

Уровень	Приверженцы позиции ненасилия, n / %	Сторонники позиции невмешательства, n / %	Статистическая значимость различий (критерий φ^* – угловое преобразование Фишера)
Мотивация достижения успеха			
Высокий	17 / 20,99	3 / 8,82	$\varphi^* = 1,72$ при $p \leq 0,05$
Средний	58 / 71,6	12 / 35,29	$\varphi^* = 3,66$ при $p \leq 0,001$
Низкий	6 / 7,41	19 / 55,89	$\varphi^* = 5,58$ при $p \leq 0,001$
Мотивация избегания неудачи			
Высокий	35 / 43,21	12 / 35,29	$\varphi^* = 0,79$, не значимо
Средний	41 / 50,62	19 / 55,89	$\varphi^* = 0,52$, не значимо
Низкий	5 / 6,17	3 / 8,82	$\varphi^* = 0,38$, не значимо
Готовность к риску			
Высокий	6 / 7,4	3 / 8,82	$\varphi^* = 0,25$, не значимо
Средний	52 / 64,2	15 / 44,12	$\varphi^* = 1,99$ при $p \leq 0,05$
Низкий	23 / 28,4	16 / 47,06	$\varphi^* = 1,91$ при $p \leq 0,05$

И приверженцы ненасилия, и сторонники невмешательства, как правило, не идут на высокий риск (7,40 и 8,82%, $\varphi^* = 0,25$, не значимо). Значимые различия получены по среднему и низкому уровням готовности к риску: к умеренному риску склонны 64,40 и 44,12% соответственно ($\varphi^* = 1,99$ при $p \leq 0,05$). Низкий уровень готовности к риску обнаружили 28,40% представителей первой группы и 47,06% респондентов второй группы ($\varphi^* = 1,91$, при $p \leq 0,05$).

В целом вырисовывается достаточно ясная картина.

Студенты с выраженной позицией ненасилия стремятся к достижению реального успеха, готовы идти на оправданный риск, но желают при этом избегать неприятностей, сглаживают «острые углы», особенно в структуре межличностных отношений.

Испытуемые, занимающие позицию невмешательства, основной тактикой своего поведения выбирают избегание неприятностей, в напряжен-

ных и сложных жизненных ситуациях предпочитают вообще не рисковать, внешне оставаясь безучастным ко всему, что вокруг них происходит.

Далее было сделано предположение, что выявленная структура мотивации студентов обусловлена своеобразием их отношения к опасностям, включающим в себя сензитивность (чувствительность) к угрозам и выбор адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности.

Отношение к опасностям базируется на структуре потребностей в опасности и безопасности, которая включает следующие потребности:

- 1) переживание чувства опасности;
- 2) переживание чувства безопасности;
- 3) обеспечение безопасности.

Результаты проведенного специального исследования, в полной мере подтверждающие эту гипотезу, отражены в табл. 4.

Ни в той, ни в другой группе студентов не обнаружено испытуемых с высоким уровнем выраженности потребности в переживании чувства опасности (1,24% и 0%). Данная потребность преобладает у людей, избирающих либо позицию принуждения, либо позицию манипулирования.

Нет существенных различий и относительно потребности в обеспечении безопасности. У всех респондентов она имеет высокий уровень (98,77% и 94,12%; $\varphi^* = 1,33$, не значимо). Основные расхождения были выявлены при установлении потребности в переживании чувства безопасности: ее испытывают лишь 24,7% испытуемых первой группы и 64,71% представительниц второй группы ($\varphi^* = 4,06$ при $p \leq 0,001$).

Значимо различаются уровни сензитивности к угрозам и сферы выбора адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности. Высокая сензитивность к угрозам проявляется у 56,79% студентов с преобладанием позиции ненасилия и лишь у 23,53% испытуемых с преобладанием позиции невмешательства ($\varphi^* = 3,41$ при $p \leq 0,001$). Сторонники ненасилия чаще выбирают адекватные способы реагирования в ситуациях опасности, т. е. способы, которые выработаны человечеством для тех или иных конкретных обстоятельств (58,02%), чем те, у кого доминирует позиция невмешательства (26,47%) ($\varphi^* = 3,25$ при $p \leq 0,001$). Последние также более склонны к преувеличению значения угроз (55,88%), в противоположной группе этот показатель составил всего 27,16% ($\varphi^* = 2,90$ при $p \leq 0,01$). Такая форма реагирования на опасности, как игнорирование, оказалась нехарактерна для всех испытуемых (7,41% и 17,65%, $\varphi^* = 1,55$, не значимо). Игнорирование в большей мере свойственно людям, предпочитающим использовать методы принуждения или манипулирования.

Таблица 4

Сравнительная характеристика потребностей в опасности и безопасности, чувствительности к угрозам и типов реагирования в ситуациях опасности у студентов с преобладанием позиций ненасилия или невмешательства

Table 4

Comparative characteristic of needs for danger and for safety, sensitivity to threats and types of reaction in life-threatening situations among students with prevalence of the positions of non-violence or non-interference

Уровни выраженности параметров отношения к опасности	Приверженцы позиции ненасилия, n / %	Сторонники позиции невмешательства, n / %	Статистическая значимость различий (критерий φ^* – угловое преобразование Фишера)
Потребности в опасности и в безопасности			
Высокий уровень потребности в переживании чувства опасности	1 / 1,24	0 / 0	φ^* не вычислялся
Высокий уровень потребности в переживании чувства безопасности	20 / 24,7	22 / 64,71	$\varphi^* = 4,06$ при $p \leq 0,001$
Высокий уровень потребности в обеспечении безопасности	80 / 98,77	32 / 94,12	$\varphi^* = 1,33$, не значимо
Сензитивность к угрозам и типы реагирования в ситуациях опасности			
Высокая чувствительность к угрозам	46 / 56,79	8 / 23,53	$\varphi^* = 3,41$ при $p \leq 0,001$
Адекватное реагирование	47 / 58,02	9 / 26,47	$\varphi^* = 3,25$ при $p \leq 0,001$
Преувеличение опасности	22 / 27,16	19 / 55,88	$\varphi^* = 2,90$, при $p \leq 0,01$
Игнорирование опасности	6 / 7,41	6 / 17,65	$\varphi^* = 1,55$, не значимо

Итак, у студентов с преобладанием позиции ненасилия ярко выражена потребность в обеспечении безопасности. Это обнаруживается в повышении чувствительности к угрозам, проявляющейся в умении вовремя их заметить и идентифицировать, а также в способности выбирать адекватные способы реагирования на них. У студентов с доминированием позиции невмешательства потребность в обеспечении безопасности перекрывается потребностью в переживании чувства безопасности. А поскольку они не всегда способны вовремя опознать и идентифицировать угрозы (имеют низкую чувствительность к ним), то, чтобы удовлетворить потребность в переживании чувства безопасности, преувеличивают их значение

(на всякий случай). Гиперболизация угрожающих факторов, таким образом, выполняет защитную функцию. Для таких людей обеспечить безопасность – значит не вмешиваться в события, принимать их безропотно, ничего не делать, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Мы предположили, что стремление к избеганию, желание не рисковать, низкая сензитивность к угрозам и тревожный тип реагирования на опасности (преувеличение опасностей) у студентов с преобладанием позиции невмешательства обусловлены низким уровнем доверия к себе, на котором базируется уверенность человека в своих силах. Следовательно, их показатели доверия к себе должны быть ниже, чем у студентов с выраженной позицией ненасилия (табл. 5).

Таблица 5

Сравнительная характеристика доверия к себе у студентов с преобладанием позиций ненасилия или невмешательства

Table 5

Comparative characteristic of students' own credibility among students with prevalence of the positions of non-violence or non-interference

Уровень доверия к себе	Приверженцы позиции ненасилия, n / %	Сторонники позиции невмешательства, n / %	Статистическая значимость различий (критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера)
Высокий	14/17,28	4/11,76	$\phi^* = 0,77$, не значимо
Средний	54/66,67	12/35,3	$\phi^* = 3,13$ при $p \leq 0,001$
Низкий	13/16,05	18/52,94	$\phi^* = 3,93$ при $p \leq 0,001$

К сожалению, приходится констатировать, что лишь немногие студенты и той, и другой группы продемонстрировали высокий уровень доверия к себе (17,28% и 11,76%, $\phi^* = 0,77$, не значимо). Основные различия по данному показателю обнаружались по среднему (66,67% и 35,30%; $\phi^* = 3,13$ при $p \leq 0,001$) и низкому (16,05% и 52,94%; $\phi^* = 3,93$ при $p \leq 0,001$) уровням. Средние показатели можно интерпретировать как способность в чем-то и в каких-то ситуациях доверять себе, а в чем-то испытывать сомнения. Низкий уровень указанного качества свидетельствует о выраженной неуверенности личности, ее неспособности определить, что она может, а что не готова сделать. Это позволяет утверждать, что студенты, занимающие в процессе взаимодействия позицию невмешательства, гораздо чаще проявляют неуверенность в себе, в своих силах и способностях, чем сторонники позиции ненасилия.

Заключение

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать заключение о различной психологической природе позиций ненасилия и невмешательства у студентов. Были установлены как некоторые сходные черты, так и различия этих позиций, которые обусловлены влиянием на их принятие таких факторов, как раздражительность к людям, чувствительность к человеку, мотивация достижения успеха и избегания неудач, готовность к риску, отношение к опасностям, в основе которой разные виды потребностей, доверие к себе. В результате можно дать обобщенные характеристики студентов с доминированием либо позиции ненасилия, либо позиции невмешательства.

Студенты, реализующие принцип ненасилия в своей жизни, более уверены в себе и чувствительны к ситуациям взаимодействия. Для них ненасилие – это активный способ решения жизненных проблем без использования принуждения и манипулирования. Они стремятся к успеху, готовы к разумному, но не безрассудному риску. Им свойственна выраженная потребность в обеспечении безопасности, которая удовлетворяется посредством высокой сензитивности к угрозам и проявляется в выборе адекватных способов реагирования в ситуациях опасности. По большому счету, выбор тактики ненасилия – это и есть адекватный способ реагирования на жизненные ситуации, в том числе конфликтного характера.

Невмешательство же обусловлено неблагоприятным сочетанием недоверия как к себе, так и к другим, которое проявляется в низкой чувствительности к человеку. В силу этого окружающий мир воспринимается как враждебный, что актуализирует потребность в переживании чувства безопасности и нейтрализует потребность в специфической активной деятельности по обеспечению безопасности. Такое мировидение выражается в избегании неудач, стремлении не рисковать. Неспособность вовремя обнаружить и идентифицировать угрозы побуждает любое воздействие из внешнего мира воспринимать как реально или потенциально угрожающее, что выливается в желание на всякий случай преувеличивать значение опасностей.

Проведенное исследование дает возможность сделать некоторые прогнозы относительно будущего студентов с преобладанием позиции невмешательства. Здесь возможно развитие ряда сценариев. Логично предположить, что у части будущих специалистов, которые объективно будут вынуждены осуществлять активное воздействие на других, нарастающий потенциал раздражительности при неразвитой чувствительности к людям будет реализоваться посредством использования принуждения. У других

невмешательство может перерасти в попустительство. Наконец, у третьих в поведении будут сочетаться принуждение и попустительство (что, на наш взгляд, наиболее вероятно).

Полученные результаты имеют практическое значение. Во-первых, они позволяют определить факторы, на которые нужно воздействовать, стимулируя принятие личностью позиции ненасилия – формируя чувствительность к человеку и уверенность в себе. Во-вторых, подтверждается необходимость проведения со студентами в вузе специальной работы по развитию способности к ненасильственному взаимодействию как важнейшей профессиональной компетентности будущих специалистов сфер медицинского или психолого-педагогического профиля.

Проведенное исследование высвечивает и дальнейшие перспективы работы. По всей вероятности, требуется специально изучать роль социального интеллекта и нормативности поведения в принятии личностью той или иной позиции взаимодействия. В анализе нуждаются также проблемы, связанные с проектированием технологий формирования способности к ненасильственному взаимодействию у студентов – будущих педагогов, психологов, медиков, социальных работников, т. е. у всех людей, готовящих себя к деятельности в системе «человек – человек».

Список использованных источников

1. Журавлева Е. А. Возможности и ограничения обучения педагогов принципу ненасилия во взаимодействии с ребенком // Известия института педагогики и психологии образования. 2017. № 1. С. 74–82. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29894382> (дата обращения 26.11.2018)
2. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Характеристика позиций взаимодействия как форм выражения ценностей принуждения или ненасилия // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 131–146. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.9
3. Маралов В. Г., Романюк Л. В. Влияние чувствительности к человеку на принятие позиций взаимодействия студентами // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 180–195. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.17
4. Маралов В. Г., Фортунатов А. А., Шонин М. Ю. Позиции взаимодействия студентов в контексте проблем обеспечения психологической безопасности личности // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 196–209. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.18
5. Maralov V. G., Sitarov V. A. Person-oriented irritability, social and educational stereotypes as factor of adopting controlling or non-aggressive position by students // International Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences. 2018. Т. 7. № 2. Р. 74–85.
6. Куприянчук Е. В. Феномен «агрессивность – жертвенность» в социокультурном контексте // Мир науки. Социология, филология, культурология.

2018. № 2. С. 3–6. Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/03KLSK218.pdf> (дата обращения 26.11.2018)

7. Batson C. D. *The Altruism Question: Toward a Social-psychological Answer*. New York, London: Psychology Press, 2014. 268 p.

8. Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л. Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 1. С. 43–66. DOI: 10.17759/sps.2018090104

9. Липман Н. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // *Вопросы философии*. 1995. № 2. С. 110–121.

10. Danesh H. B. The Education for Peace integrative curriculum: concepts, contents and efficacy // *Journal of Peace Education*. 2008. Vol. 5. Issue 2. P. 157–174. Available from: <https://doi.org/10.1080/17400200802264396>

11. Лизгунов П. Понятие смирения: история и современные интерпретации // *Провинциальные научные записки*. 2018. № 1 (7). С. 86–91. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35089010> (дата обращения 26.11.2018)

12. Ou A. Y., Tsui A. S., Kinicki A. J., Waldman D. A., Xiao Z., Song, L. J. Humble chief executive officers' connections to top management team integration and middle managers' responses // *Administrative Science Quarterly*. 2014. Vol. 59. P. 34–72. Available from: <https://doi.org/10.1177/0001839213520131>

13. Wright J., Nadelhoffer T., Perini T., Langville A., Echols M., Venezia K. The psychological significance of humility // *The Journal of Positive Psychology*. 2017. Vol. 12/1. P. 3–12. DOI: 10.1080/17439760.2016.1167940

14. Barrett J. Intellectual humility // *The Journal of Positive Psychology*. 2017. Vol. 12. № 1. P. 1–2. DOI: 10.1080/17439760.2016.1167945

15. Tangney J. P. Humility: Theoretical Perspectives, Empirical Findings and Directions for Future Research // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2000. Vol. 19 / 1. P. 73–74.

16. Nielsen R., Marrone J. A. Humility: Our Current Understanding of the Construct and its Role in Organizations // *International Journal of Management Reviews*. 2018. Vol. 20. P. 805–824. DOI:10.1111/ijmr.12160

17. Davis D. E., Deblaere C., Hook J. N., Placeres V. Humility at work // *The Wiley Blackwell Handbook of the Psychology of Positivity and Strengths-Based Approaches at Work*. 2016. P. 191–209. DOI: 10.1002/9781118977620.ch12

18. Enright R. D., Maria J. D. S., Radhi A. L. The adolescent as forgiver. *Journal of Adolescence*. 1989. № 12. P. 95–110. DOI:10.1016/0140-1971(89)90092-4

19. Блясова И. Ю., Зайцева Л. Ю., Бякова Н. В. Интеллектуальная пассивность как фактор риска развивающейся личности будущего педагога // *Развитие высшего профессионального психолого-педагогического образования: тенденции и перспективы*. Ялта, 2018. С. 20–26. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35354091> (дата обращения 26.11.2018)

20. Лазарев М. А., Подвойский В. П., Стукалова О. В. Педагогическое обеспечение преодоления социальной индифферентности студентов гуманитарных вузов: социально-культурный подход. Москва: МАО; Даугавпилс: ДУ, 2016. 152 с. ISBN 978-5-9907401-3-6

21. Ласкин А. А. Пассивность и инертность в формировании активности у молодежи // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2013. № 13 (32). С. 93–100. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20912805> (дата обращения 26.11.2018)

22. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinova I. B., Mikhailova O. B. The role of persistence in students' self-realization // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2017. Vol. 5. № 2. P. 19–26. DOI 10.5937/IJCRSEE1702019K

23. Мухина В., Хвостов А. Отчуждение от других: отчуждение ленивых и равнодушных // Развитие личности. 2013. № 1. С. 51–73. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21480450> (дата обращения 26.11.2018)

24. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Разработка диагностического опросника по выявлению позиций взаимодействия у студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 167–177. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.13

25. Маралов В. Г., Кудака М. А., Смирнова О. В., Перченко Е. А., Табунов И. А. Разработка теста-опросника для диагностики у людей потребностей в безопасности // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2016. № 1. С. 12–17. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25849603> (дата обращения 26.11.2018)

26. Маралов В. Г., Малышева Е. Ю., Нифонтова О. В., Перченко Е. А., Табунов И. А. Разработка теста-опросника сензитивности к угрозам в юношеском возрасте // Перспективы науки. 2012. № 8. С. 32–37. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18281541> (дата обращения 26.11.2018)

27. Маралов В. Г., Малышева Е. Ю., Смирнова О. В., Перченко Е. А., Табунов И. А. Разработка теста-опросника по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12–1 (67). С. 92–96. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18247102> (дата обращения 26.11.2018)

28. Астанина Н. Б. Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2010. № 3. С. 159–172. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15113790> (дата обращения 26.11.2018)

29. Корягина И. И., Маралов В. Г., Ситаров В. А. Сравнительная характеристика позиций взаимодействия у студентов-медиков и студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 79–104. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35022000> (дата обращения 26.11.2018)

References

1. Zhuravleva E. A. A nonviolence principle in a collaboration of teachers with a child: capabilities and limitations of training. *Izvestiya instituta pedagogiki i psihologii obrazovaniya = News of Institute of Pedagogics and Psychology of Edu-*

ation [Internet]. 2017 [cited 2018 Nov 26]; 1: 74–82. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29894382> (In Russ.)

2. Maralov V. G., Sitarov V. A. Characteristic of positions of interaction as forms of expression of values of coercion or non-violence. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2017; 1: 131–146. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.9 (In Russ.)

3. Maralov V. G., Romanyuk L. V. Influence of sensitivity to the person on acceptance of positions of interaction by students. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2018; 3: 180–195. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.17 (In Russ.)

4. Maralov V. G., Fortunatov A. A., SHonin M. Yu. Positions of interaction of students in the context of problems of ensuring psychological safety of the personality. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2018; 3: 196–209. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.18 (In Russ.)

5. Maralov V. G., Sitarov V. A. Person-oriented irritability, social and educational stereotypes as factor of adopting controlling or non-aggressive position by students. *International Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences*. 2018; Vol. 7. 2: 74–85.

6. Kupriyanchuk E. V. The phenomenon of “aggressiveness – sacrifice” in the socio-cultural context. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya = The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Science* [Internet]. 2018 [cited 2018 Nov 26]; 2: 3–6. Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/03KLSK218.pdf> (In Russ.)

7. Batson C. D. The Altruism question: Toward a social-psychological answer. New York, London: Psychology Press; 2014. 268 p.

8. Mararica L. V., Kazanceva T. V., Pochebut L. G., Svencickij A. L. Contribution of the personality in the social capital of group: Structure of altruistic investment. *Social'naya psihologiya i obshchestvo. = Social Psychology and Society*. 2018; 9, 1: 43–66. DOI: 10.17759/sps.2018090104 (In Russ.)

9. Lipman N. Training for the purpose of reduction of violence and development of peacefulness. *Voprosy filosofii = Philosophy Questions*. 1995; 2: 110–121. (In Russ.)

10. Danesh H. B. The Education for peace integrative curriculum: Concepts, contents and efficacy. *Journal of Peace Education* [Internet]. 2008 [cited 2018 Nov 26]; 5. Issue 2: 157–174. Available from: <https://doi.org/10.1080/17400200802264396>

11. Lizgunov P. The concept of humility: history and modern interpretations. *Provincial'nye nauchnye zapiski. = Provincial Scientific Notes* [Internet]. 2018 [cited 2018 Nov 26]; 1 (7): 86–91. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35089010> (In Russ.)

12. Ou A. Y., Tsui A. S., Kinicki A. J., Waldman D. A., Xiao Z. and Song, L. J. Humble chief executive officers' connections to top management team integration and middle managers' responses. *Administrative Science Quarterly* [Internet]. 2014 [cited 2018 Nov 26]; 59: 34–72. Available from: <https://doi.org/10.1177/0001839213520131>

13. Wright J., Nadelhoffer T., Perini T., Langville A., Echols M., Venezia K. The psychological significance of humility. *The Journal of Positive Psychology*. 2017; 12/1: 3–12. DOI: 10.1080/17439760.2016.1167940

14. Barrett J. Intellectual humility. *The Journal of Positive Psychology*. 2017; 12, 1: 1–2. DOI: 10.1080/17439760.2016.1167945
15. Tangney J. P. Humility: Theoretical perspectives, empirical findings and directions for future research. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2000; 19/1: 73–74.
16. Nielsen R., Marrone J. A. Humility: Our current understanding of the construct and its role in organizations. *International Journal of Management Reviews*. 2018; 20: 805–824. DOI:10.1111/ijmr.12160
17. Davis D. E., Deblaere C., Hook J. N., Placeres V. Humility at work. *The Wiley Blackwell Handbook of the Psychology of Positivity and Strengths-Based Approaches at Work*. 2016. p. 191–209. DOI: 10.1002/9781118977620.ch12
18. Enright R. D., Maria J. D. S., Radhi A. L. The adolescent as forgiver. *Journal of Adolescence*. 1989; 12: 95–110. DOI: 10.1016/0140-1971(89)90092-4
19. Blyasova I. Yu., Zajceva L. Yu., Byakova N. V. Intellektual'naya passivnost' kak faktor riska razvivayushchejsya lichnosti budushchego pedagoga = Intellectual passivity as a risk factor for developing personality of a future teacher. *Razvitie vysshego professional'nogo psihologo-pedagogicheskogo obrazovaniya: tendencii i perspektivy = Development of the higher professional psychology and pedagogical education: Trends and prospects* [Internet]. Yalta; 2018 [cited 2018 Nov 26]. p. 20–26. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35354091> (In Russ.)
20. Lazarev M. A., Podvojskij V. P., Stukalova O. V. *Pedagogicheskoe obespechenie preodoleniya social'noj indifferentnosti studentov gumanitarnyh vuzov: social'no-kul'turnyj podhod = Pedagogical maintenance of the liberal arts colleges students' social indifference overcoming: Socio-cultural approach*. Moscow: Publishing Houses IAE; Daugavpils: DU; 2016. 152 p. (In Russ.)
21. Laskin A. A. The passivity and inertness in the formation of activity among the youth. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki = The Bulletin of the Vladimir State University. Series: Pedagogical and Psychological Sciences* [Internet]. 2013 [cited 2018 Nov 26]; 13 (32): 93–100. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20912805> (In Russ.)
22. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinova I. B., Mikhailova O. B. The role of persistence in students' self-realisation. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2017; 5, 2: 19–26. DOI 10.5937/IJCRSEE1702019K
23. Muhina V., Hvostov A. Alienation from others: Alienation of lazy and indifferent. *Razvitie lichnosti. = Personal Development* [Internet]. 2013 [cited 2018 Nov 26]; 1: 51–73. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21480450> (In Russ.)
24. Maralov V. G., Sitarov V. A. The development of a diagnostic questionnaire revealing the interaction positions of students specializing in psychological and pedagogical assistance. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2018; 1: 167–177. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.13 (In Russ.)
25. Maralov V. G., Kudaka M. A., Smirnova O. V., Perchenko E. L., Tabunov I. A. Development of test for diagnostic people's needs for safety. *Uchenye za-*

piski Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of the Cherepovets State University [Internet]. 2016 [cited 2018 Nov 26]; 1: 12–17. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25849603> (In Russ.)

26. Maralov V. G., Malysheva E. Yu., Nifontova O. V., Perchenko E. L., Tabunov I. A. Development of test on sensitivity to threats in adolescence. *Perspektivy nauki = Prospects of Science* [Internet]. 2012 [cited 2018 Nov 26]; 8: 32–37. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18281541> (In Russ.)

27. Maralov V. G., Malysheva E. Yu., Smirnova O. V., Perchenko E. L., Tabunov I. A. Development of test on identification of ways of reaction in danger situations in adolescence. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya = The Almanac of Modern Science and Education*. 2012 [cited 2018 Nov 26]; 12–1 (67): 92–96. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18247102> (In Russ.)

28. Astanina N. B. Creation and approbation of the new personal questionnaire “A technique of studying of credibility to oneself”. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education* [Internet]. 2010 [cited 2018 Nov 26]; 3: 159–172. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15113790> (In Russ.)

29. Koryagina I. I., Maralov V. G., Sitarov V. A. Comparative characteristic of positions of interaction at medical students and students – future experts of the sphere of psychology and pedagogical maintenance. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal* [Internet]. 2018 [cited 2018 Nov 26]; 20, 5: 79–104. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35022000> (In Russ.)

Информация об авторах:

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Череповецкого государственного университета; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9627-2304>; Scopus ID 57128513900; Череповец, Россия. E-mail: vgmaralov@yandex.ru

Ситаров Вячеслав Алексеевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8426-7487>; Москва, Россия. E-mail: sitarov@mail.ru

Вклад соавторов:

В. Г. Маралов – теоретический анализ литературы по проблеме исследования; обозначение методологической основы исследования; сбор и систематизация данных; обработка и описание результатов; количественный и качественный анализ результатов и их интерпретация.

В. А. Ситаров – теоретический анализ зарубежной литературы; сбор и систематизация данных; критический анализ и доработка текста статьи; формулировка выводов.

Статья поступила в редакцию 06.12.18; принята в печать 13.02.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Psychology, Cherepovets State University; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9627-2304>; Scopus ID: 57128513900. Cherepovets, Russia. E-mail: vgmaralov@yandex.ru

Vyacheslav A. Sitarov – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Pedagogics and Psychology of the Higher School, Moscow University for the Humanities; ORCID: [http:// orcid.org/0000-0002-8426-7487](http://orcid.org/0000-0002-8426-7487); Moscow, Russia. E-mail: sitarov@mail.ru

Contribution of the authors:

V. G. Maralov – carried out theoretical analysis of literature on the problem under study; designated a methodological basis of the research; performed the collection and systematisation of data; processed and described the results; contributed to qualitative analysis of results and their interpretation.

V. A. Sitarov – conducted theoretical analysis of foreign literature; performed collection and systematisation of data; provided critical analysis and completion of the text of article; formulated the conclusions.

Received 06.12.2018; accepted for publication 13.02.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.